

ЯЗЫКОВОЙ МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОГО ФОНА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ладутько Марина Владимировна

доцент кафедры общего и славянского языкознания
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова»;
кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Республика Беларусь)

В статье описывается языковой механизм создания экспрессивного фона поэтического текста.

В лингвистике экспрессивность рассматривается как «семантическая категория, характеризующаяся различными фор-

мами проявления экспрессивной функции языка, его способностью выражать в содержании языковых единиц многообразие эмоциональных и оценочных отношений субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внутреннем мире человека» [6, с. 403–404].

Содержание художественного текста в лингвистической традиции рассматривается как совокупность смыслов, представляющих собой некое завершенное целое. Текст содержит множество элементарных смыслов, квалифицирующихся по-разному: как денотат (Г.В. Колшанский, Л.А. Новикова, В.А. Маслова), как обозначение или номинация (В. Гак), как предметный смысл (Н.А. Купина), и обязательными в этом ряду оказываются эмотивные смыслы, которые выражают субъективную модальность, определяющую иллокутивное намерение и перлокутивный эффект [2, с. 166].

Такие два важнейших свойства эмоции, как предметность (направленность в мир) и субъективность (принадлежность к субъекту), а также ситуативный характер ее возникновения (художественный текст как конкретная ситуация общения) создают структуру эмотивного отношения, которую можно представить в следующем виде: *субъект отношения X испытывает и выражает некоторое отношение R к объекту отношения У* [3, с. 110].

Эмотивность текста (текстовая модальность) расширяет зону своего действия: во-первых, квалифицирует события с точки зрения субъекта повествования; во-вторых, отражает более широкое субъективное отношение автора к описываемому в тексте миру, его эмоциональное состояние; в-третьих, воздействует на адресата, заставляя его включиться в творческий процесс восприятия [5, с. 48]; [1, с. 127].

Лингвистические исследования эмотивного плана текста должны включать, на наш взгляд, не только описание эмотивных языковых средств, но и приемы их использования в тексте, так как всякий прием – это активная “игра” значениями и смыслами, имеющая коммуникативную цель и прагматическое назначение – эмоциональное заражение адресата.

По образному выражению В.Д. Девкина, экспрессивы обычно долгое время находятся в своеобразном заказе без применения и лишь изредка извлекаются из-под спуда и пускаются в ход [2, с. 219]. Их преднамеренное употребление как средства выражения экспрессивности уже заранее испытанными приемами вызывают сильный эмоциогенный эффект, например, в поэме “Переулочки” М. Цветаевой.

“Переулочки” написаны по мотивам известной былины “Добрыня и Маринка”. М. Цветаева переосмыслила фольклорный сюжет и сместила в нем акценты. По былине, живущая на киевской Игнатъевской улице Марина Игнатъевна – колдунья, чародейка и безнравственная женщина, “распутница”. Сжигая следы Добрыни, она пытается всеми способами приворожить его, однако погибает от его справедливой кары. В поэме же Цветаевой Добрыня отсутствует вовсе; герой безымянен, абстрактен и пассивен. Героиня (тоже безымянная) не только одерживает победу, она обрисована совсем ином – мудрой и сильной, хоть и грешной. Она завораживает доброго молодца (обращение “млад”), задуривает его “звоньбой” и “урчбой”:

*А не видел ли, млад, – не велю – што,
А не слышал ли, млад, – не знамо – што,
В белохрущатых громких платьицах.
В переулочках тех Игнатъевских.*

*А звоньба-то отколь? – Запястыца!
А урчба-то отколь? – Заклятыце!
Попытай молодецка счастьица
В переулочках тех Игнатъевских!
Две колдобины. Пень.
Разваленный плетень,
Без следочку – да в темь,
Всех окошечек – семь.*

*Пока дома сидишь – подумывай,
А шестое пройдешь – послеживай:
С бережочку рыбачка юная
В полглазочку косит: не клюнуло ль?*

Таким образом, женщина-колдунья (“в полглазочку косит” – признак косоглазия на Руси означает колдунью) выступает главной силой жизни, а любовь понимается как наслаждение, но в то же время и как ловушка. Информативно насыщенные коннотативные семы позитивной эмотивности суффиксов **-иц-**, **-очк-**, **-к-** в лексемах *платица, переулочки, счастьяце, бережочек, в полглазочку, следочек, окошечко* создают настроение торжества молодости, игры, озорства, а суффикс **-б-** в лексемах *звоньба, урчба*, префикс **по-** и суффикс **-ива-/-ыва-** в лексемах *подумывай, послеживай* предостерегают, в лексемах *запьятица, заклятице* суффикс **-иц-** намекает на эмоциональную недоговоренность. Сочетание приемов разных планов (лексического и стилистического) с приемом скопления дериватов с коннотативно заряженными морфемами создает напряженный, несколько изысканный стиль имитации фольклорного, слегка распевного сказа.

В стихотворении В. Хлебникова “Кому сказатеньки...” эмотивный смысл репрезентируется в экспрессивном контекстменении, содержащем наряду с фактуальной информацией (существование лягушки) и эмоциональную информацию, опирающуюся на пропозицию – ассоциативную связь с героиней сказки “Царевна-лягушка”: *Кому сказатеньки, Как важно жила барынька? Нет, не важная барыня, А, так сказать, лягушечка: Толста, низка и в сарафане, И дружбу вела большевитую С сосновыми князьями. И зеркальные топила Обозначали следы, Где она весной ступила, Дева ветреной воды.*

Автор интонирует каждую подробность своей героини, каждую ее черту, каждый ее поступок, ее чувства, проявляя одобрительно-ироническое чувство-отношение к ней. В союзе с композиционным приемом – антитезой, созданной, кстати, оппозицией “эмотивно заряженное – нейтральное” (*Как важно жила барынька? Нет, не важная барыня...*), перифразом/метафорой “дева ветреной воды”, эпитетом “большевитая дружба” доминантами в формировании и эксплицировании эмотивного смысла текста выступают морфемы в экспрессивах *барынька, лягушечка* – суффикс **-к-** с ядерной эмотивной семой одобрения, *большевитая* – суффикс **-евит-** с ядерной семой интенсивности, прибавляющий усилительность значению корня *большой*.

Стихотворный текст имеет политональную эмотивно-оценочную природу, но при этом в нем обязательна эмотивно-оценочная доминанта, задаваемая прямыми авторскими оценками. В любом стихотворении автор обнаруживает свои симпатии и антипатии, конкретизирует те или иные чувства-отношения, поэтому образ персонажа обрастает “телом” эмотивного смысла только в контексте определенных авторских интенций. Так, в стихотворении Н. Матвеевой “Скворушка” эмоциональная реакция на героев основана на особенностях эмотивной оценки со стороны автора, который рассматривает их в рамках определенной тональности, определенной типологической модели: *Молодой скворушка Обошел дворушко, Обскакал дворушко, Потерял перышко. Подбирал перышко Воробей Жорушка, Собирает сборушко: – Чье, ребя, перышко? (Налетал сборушко На воре ворушка) Подымал орушко: – Отдавай перышко! И – пошла ссорушка!*

В отношении скворушки у автора проявляется одобрительно-ироническая тональность. Герой молод, неопытен, но любознателен и деятелен, потому и залетел на чужую территорию. Такая характеристика скворушки формирует следующее отношение к нему: “Я хочу, чтобы вы хорошо отнеслись к нему (по-доброму, с улыбкой), потому что он юн и, как ребенок, нуждается в защите и снисходительности”.

Ситуация, описанная в стихотворении, оценивается в динамике как бы со стороны внешнего наблюдателя: вначале – одобрительно позитивные чувства-отношения (*скворушка, дворушко, перышко*), затем – тревожная оценка (*Чье, ребя, перышко?*), вторжение локальной авторской оценки (*сборушко – на воре ворушка*), в завершении – ожидаемая концовка (*И – пошла ссорушка*) пронизана авторским чувством-отношением ироничного неодобрения. Точное интонирование авторской оценки персонажей, их поступков достигается путем использования приема скопления словообразовательных конструкций с суффиксами **-ушк-**, **-ышк-**: *скворушка, дворушко, перышко, Жорушка, сборушко, ворушка, орушко, ссорушка*. Запрограммированный эмотиогенный эффект реализуется благодаря

способности названных суффиксов к энантиосемии: в отношении *скворушки* репрезентируется одобрителное чувство-отношение, что зафиксировано в ядерной семе 'ласкательность' суффиксов **-ушк-**, **-ышк-**; в отношении других персонажей эти суффиксы репрезентируют неодобрение, актуализируя сему пейоративной оценки своего значения.

Итак, во-первых, эмоциогенный эффект экспрессивности связан с семантическим аспектом языковых единиц; во-вторых, для полноты представления о создании экспрессивного эффекта художественного текста необходимо учитывать зависимость этого эффекта от контекста, то есть от целой совокупности признаков, создающих экспрессивный фон текста.

Список использованной литературы

1. Бабенко, Л. Г. Интенциональные эмотивные смыслы в содержании художественного текста. / Л. Г. Бабенко // Проблемы варьирования языковых единиц : сб. статей. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1994. – С. 125–130.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
3. Графова, Т. А. Смысловая структура эмотивных предикатов / Т. А. Графова // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1991. – С. 67–98.
4. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – М. : Международные отношения, 1979. – 254 с.
5. Маслова, В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста / В. А. Маслова. – Мн. : Вышэйшая школа, 1997. – 156 с.
6. Телия, В. Н. Экспрессивность / В. Н. Телия // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. – М. : Сов. энциклопедия, 1979. – С. 403–404.